

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.9>

EDN MQZNIH

Оценка социальной справедливости и несправедливости в общественном сознании кыргызского населения

Фатима К. Урузбакиева ¹

¹Научно-исследовательский университет

«Кыргызский экономический университет им. Мусы Рыскулбекова»

г. Бишкек, Кыргызстан

e-mail: ufk555@list.ru

Зухра К. Урузбакиева ²

² Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина

г. Бишкек, Кыргызстан

e-mail: uzk545@list.ru

Аннотация.

Введение. Проблема социальной справедливости, социально справедливого общества является актуальной, особенно на фоне происходящих трансформационных преобразований глобального характера. Каждая историческая эпоха формирует собственную модель социально справедливого общества, определяет траекторию его развития. Следовательно, дискурс социальной справедливости, будучи демонстрацией социальной политики государства, занимает особое место при реализации политико-экономических программ, которые являются ключевыми в сохранении стабильности и экономического развития. Цель статьи - показать существующие в общественном сознании кыргызского населения восприятие и оценку категорий «социальная справедливость», «социально справедливое общество», определить индикаторы измерения социальной несправедливости.

Результаты и их обсуждение. Масштабные преобразования кыргызского социума сопровождались противостоянием сторонников разных проектов государственного развития. После распада Советского Союза и приобретения Кыргызстаном самостоятельного государственного статуса естественным было изменение вектора его развития. Однако социальная политика была ключевым направлением в политике нового государственного образования. В статье рассмотрены понятия социального равенства и неравенства, социальной справедливости и несправедливости, показаны болезненные вопросы социальной защиты кыргызского населения. Аналитический материал показывает существование в общественном сознании респондентов характеристики социально справедливого общества как образования, в котором, несмотря на сложные социально-политические и экономические процессы, обеспечивается соблюдение и защита прав человека, следуют принципам равенства в получении услуг образования и здравоохранения.

Методика исследования. Опрос по изучению социальной справедливости и индикаторов ее воспроизводства проведен в гг. Бишкек, Ош, Каракол, Иссык-Кульской, Ошской, Чуйской, Баткенской, Таласской областях Республики Кыргызстан методом «снежного кома». N=758. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 357 чел. (47,1 %), женщины – 401 чел. (52,9 %); б) возраст: 15–35 лет – 274 чел. (36,2 %), 35–60 лет – 252 чел. (33,2 %), старше 60 лет – 232 чел. (30,6 %); в) образование: среднее – 281 чел. (37,1 %), среднее специальное – 259 чел. (34,2 %), высшее – 218 чел. (28,7 %).

Основные положения.

- индикаторами измерения социально справедливого общества являются соблюдение закона, наличие равных возможностей для людей, справедливый суд. В общественном сознании кыргызского населения имеет место обозначение «уравниловки» как признака социально справедливого социума;
- несправедливость заключается в изначальном существовании неравенства, резкой дифференциации в оплате труда, низком уровне доходов и отсутствии одинаковых условий для разных социальных слоев;
- социальная защита населения заключается в ответственности государства оказывать помощь социально незащищенным социальным группам; актором наряду с государством должны выступить и предприятия с государственной и частной собственностью;
- в общественном сознании опрошенного кыргызского населения существуют разные позиции о модели социальной защиты, которые сформировались исходя из реалий современного кыргызского общества.

Ключевые слова: Кыргызстан; кыргызское общество; социальная справедливость; социальное равенство; социальное неравенство; социальная политика; социально-экономические преобразования.

Для цитирования: Урузбакиева Ф.К., Урузбакиева З. К. (2026). Оценка социальной справедливости и несправедливости в общественном сознании кыргызского населения. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 130-142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.9>

Assessment of social justice and injustice in the public consciousness of the Kyrgyz population

Fatima K. Uruzbakieva¹

¹Kyrgyz Economic University named after M. Ryskulbekov
Bishkek, Kyrgyz Republic
e-mail: ufk555@list.ru

Zukhra K. Uruzbakieva²

²Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin
Bishkek, Kyrgyz Republic
e-mail: uzk545@list.ru

Abstract

Introduction. The issue of social justice and the establishment of a socially just society remains highly relevant, particularly against the backdrop of ongoing global transformative processes. Each historical era develops its own model of a socially just society and defines its unique developmental trajectory. Consequently, the discourse on social justice as a reflection of state

social policy occupies a pivotal position in the implementation of political and economic programs that are critical to maintaining stability and fostering economic development. The aim of this article is to examine the perceptions and evaluations of the concepts “social justice” and “socially just society” within the public consciousness of the Kyrgyz population, and to identify key indicators of social injustice.

Results and its Discussion.

Large-scale transformations within Kyrgyz society have been accompanied by intense contestation between proponents of divergent models of state development. Following the dissolution of the Soviet Union and the attainment of independent statehood, a shift in Kyrgyzstan’s developmental trajectory was both natural and inevitable. Nevertheless, social policy remained a central pillar of the new state’s governance agenda. This article analyzes the concepts of social equality and inequality, social justice and injustice, and highlights pressing issues in the social protection of the Kyrgyz population. The analytical findings reveal that, in the public consciousness of respondents, a socially just society is perceived as one in which, despite complex socio-political and economic challenges, human rights are upheld and protected, and in which equitable access to education and healthcare services is guaranteed.

Research Methodology.

A survey on social justice and its reproductive indicators was conducted in the cities of Bishkek, Osh, and Karakol, as well as in the Issyk-Kul, Osh, Chuy, Batken and Talas regions of the Kyrgyz Republic, using the “snowball sampling” method. The sample size was $N = 758$. The socio-demographic distribution was as follows:

- a) Gender: male – 357 respondents (47.1%); female – 401 respondents (52.9%);
- b) Age: 15–35 years – 274 respondents (36.2%); 35–60 years – 252 respondents (33.2%); over 60 years – 232 respondents (30.6%);
- c) Education: secondary – 281 respondents (37.1%); secondary specialized – 259 respondents (34.2%); higher – 218 respondents (28.7%).

Main Findings.

- Key indicators of a socially just society, as perceived by the Kyrgyz public, include the rule of law, equal opportunities for all individuals, and access to fair judicial processes. However, the public also associates the notion of “equalization” (i.e., forced leveling) with social justice.
- Social injustice is primarily perceived as the inherent existence of inequality in access to well-paid employment, low income levels, and the absence of equitable conditions across different social strata.
- Social protection of the population entails the state’s responsibility to provide support to vulnerable social groups. In addition to the state, enterprises—both state-owned and private are expected to play an active role in social protection mechanisms.
- There is no consensus in public opinion regarding the ideal model of social protection; rather, diverse perspectives have emerged, shaped by the evolving socio-economic realities of contemporary Kyrgyz society.

Keywords: Kyrgyzstan; Kyrgyz society; social justice; social equality; social inequality; social policy; socio-economic transformations.

For citation: Uruzbakieva F. K., Uruzbakieva Z. K. (2026). Assessment of social justice and injustice in the public consciousness of the Kyrgyz population. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 130-142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.9>

Введение

Дискуссия о справедливости и несправедливости, обсуждение критериев ее измерения прослеживается на протяжении истории человечества. Причем в разные эпохи акценты расставлялись с учетом множества факторов, в частности, в период кардинальных общественных преобразований, когда закономерно затрагивается вопрос о влиянии реформ на социально-экономическое развитие государства и материальное положение населения, его социальный статус, на отношения власти и граждан. Чем обусловлен повышенный интерес к данному явлению? По мнению Л. И. Никовской, «причина состоит в том, что эти проблемы затрагивают две фундаментальные составляющие любого общества – устройство всего социума и интересы отдельных социальных групп» (Никовская, 2017, 206). Следовательно, к соблюдению справедливости в разных социальных сферах будет апеллировать население, особенно, в кризисные и переломные этапы общественного развития.

Научно-технические открытия и достижения XX столетия сопровождалось ростом ожиданий населения, которое надеялось на реализацию идеи «общества равных возможностей», суть которой заключалась в возможностях повышения социального статуса. Разумеется, эти ожидания себя не оправдали, в итоге спровоцировав социальную напряженность и конфликты, которые дестабилизировали общество и способствовали разрушению существовавших социальных устоев и правил. Необходимо отметить, что данный вопрос, как правило, волнует разные по возрасту слои населения – молодое поколение, с одной стороны, и пожилых людей, с другой. Поэтому «особое отношение на Западе к этим вопросам вызвано многими причинами, в том числе и практического характера, например, поиском оптимальной социальной модели государства, дискуссиями о правах человека, глобализацией» (Гаврилова, 2009, 36). Иными словами, проблема справедливости является одной из актуальных и приоритетных для любого государства, независимо от его политического устройства и господствующей идеологии. Более того, ее роль и вес в обществе будет только возрастать с учетом происходящих в мире трансформаций.

Понятие «справедливость» является одним из важнейших в общественной мысли. Ю.В. Канарш утверждает, что «в политике и социальной философии справедливость – правильное соотношение базисных политических ценностей свободы и блага, свободы и равенства» (Канарш, 2019, 48).

Что такое справедливость? – вопрос, волнующий каждого человека, поэтому вполне справедливо утверждение, что «принцип социальной справедливости в его глобальном выражении постепенно созрел в менталитете общества на определенной ступени его развития. Появление самой идеи социальной справедливости, а затем и соответствующего принципа, все более внедряющегося в конституции (обычно в виде его элементов, норм социального характера), связано с социалистическими идеями» (Смирнова, 2017, 328).

Вопрос справедливости активно обсуждался в трактатах античных философов, причем они рассматривали данную категорию во взаимосвязи с понятием «благо». Так, Аристотель определял справедливость как добродетель (Аристотель, 1984), Платон в основе «идеального государства» отмечал справедливость (Платон, 1998). В религиозной философии справедливость выступает как «проявление Божественного Добра»

(Августин, 2006), «сущностью Бога и характеристикой Его действий» (Фома Аквинский, 2002). С нравственностью связывают справедливость М. Монтень и Б. Паскаль (Монтень, 1979). Философы эпохи Просвещения утверждают, что «справедливые отношения лежат в основе положительных законов» (Монтескье, 1999), Ж.-Ж. Руссо видел в «инстинкте справедливости» «источник развития нравственности» (Руссо, 1969). И. Кант рассматривал справедливость как категорию «суда совести» (Кант, 1965).

М.Ф. Черныш под справедливостью подразумевает «наличие свободы, но вместе с тем и общественных установлений, заставляющих всех граждан играть по одинаковым правилам. Наибольшие шансы стать такой силой имеет государство, призванное отстаивать общие интересы и быть площадкой, на которой частные интересы, встретившись с ограничениями в форме законов, будут приходить к соглашению» (Черныш, 2017, 341). По мнению И. А. Ильина, «справедливость есть искусство неравенства. В основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям. Но в основе ее лежит также живая совесть и живая любовь к человеку. Есть особый дар справедливости, который присущ далеко не всем людям. Этот дар предполагает в человеке доброе, любящее сердце, которое не хочет умножать на земле число обиженных, страдающих и ожесточенных» (Ильин, 2015, 7).

Л. И. Никовская считает, что «социальная справедливость – категория, с помощью которой характеризуется мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов. Справедливость определяет, в чем и как люди непременно должны выступить как равные друг другу, и в чем и как они могут и должны отличаться друг от друга» (Никовская, 2017, 207). Социальная справедливость в русле либеральных ценностей хорошо освещена в фундаментальной работе Дж. Ролза «Теория справедливости», где сказано, что «справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли... Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство. Следовательно, в справедливом обществе должны быть установлены свободы граждан, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» (Ролз, 1995, 139). И.Н. Гаврилова отмечает, что «Ролз вполне успешно сумел соединить субстантивную и формальную теории справедливости» (Гаврилова, 2009, 37) и «несмотря на то, что концепция Ролза основывается на тезисе о приоритете прав и свобод, она подвергалась критике со стороны либеральных мыслителей, в частности, М. Фридмена и Ф. Хайека» (Мареева, 2015, 110). Г. Ю. Канарш отмечает, что «существо этой критики связано с тем, что либертарианство главной и бескомпромиссной социальной ценностью считает индивидуальную свободу. Свобода с этой точки зрения предстает как необходимое условие самореализации индивида, преследующего собственные цели. Это – негативная свобода, «свобода от» (прежде всего от государства). Такое понимание свободы не предполагает предоставления каких-либо социальных благ, она есть чистая возможность для каждого добиваться в жизни того, что

индивид способен достичь благодаря своим талантам и личным усилиям» (Канарш, 2019).

Методика исследования

Опрос по изучению социальной справедливости и индикаторов ее воспроизводства проведен в гг. Бишкек, Ош, Каракол, Иссык-Кульской, Ошской, Чуйской, Баткенской, Таласской областях Республики Кыргызстан методом «снежного кома». N=758. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 357 чел. (47,1%), женщины – 401 чел. (52,9%); б) возраст: 15–35 лет – 274 чел. (36,2%), 35–60 лет – 252 чел. (33,2%), старше 60 лет – 232 чел. (30,6); в) образование: среднее – 281 чел. (37,1%), среднее специальное – 259 чел. (34,2%), высшее – 218 чел. (28,7%).

Результаты исследования

Социальная напряженность существует в любом государстве. Ее причины могут быть самыми разными, начиная от борьбы кланов за власть до неудовлетворенности населения личным уровнем благосостояния. В такой ситуации важным является определение вектора социальной политики, соответствующей потребностям каждого гражданина. Особое внимание к социальной политике, по нашему мнению, обусловлено исключительно практическими причинами, то есть необходимостью формирования образа социально справедливого государства, в котором права человека являются приоритетными.

Что такое справедливое общество? – вопрос является ключевым в рамках изучения социальной справедливости. Поэтому в заявленных предметных границах возникает потребность в установлении смысла, вкладываемого опрошенным кыргызским населением, в понятие «справедливое общество» (см. табл. № 1).

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, что такое "справедливое общество"?» (%)

Варианты ответов	Всего:
Общество, в котором соблюдаются законы	68,4
Общество, в котором вознаграждается квалификация	19,8
Общество, в котором энергичные, предприимчивые люди живут лучше	12,7
Общество, в котором руководители получают больше подчиненных	2,3
Общество, в котором созданы равные возможности для всех людей	60,2
Общество, в котором все доходы делятся поровну	13,0
Общество, в котором все получают по труду	39,0
Общество, в котором богатые платят более высокий налог	15,3
Общество, в котором есть справедливый суд	50,0
Общество, в котором поддерживается предпринимательство	25,1
Общество, в котором есть бесплатное здравоохранение	36,4
Общество, в котором есть поддержка государством выходцев из бедных семей	28,5
Общество, в котором есть бесплатное образование	38,1

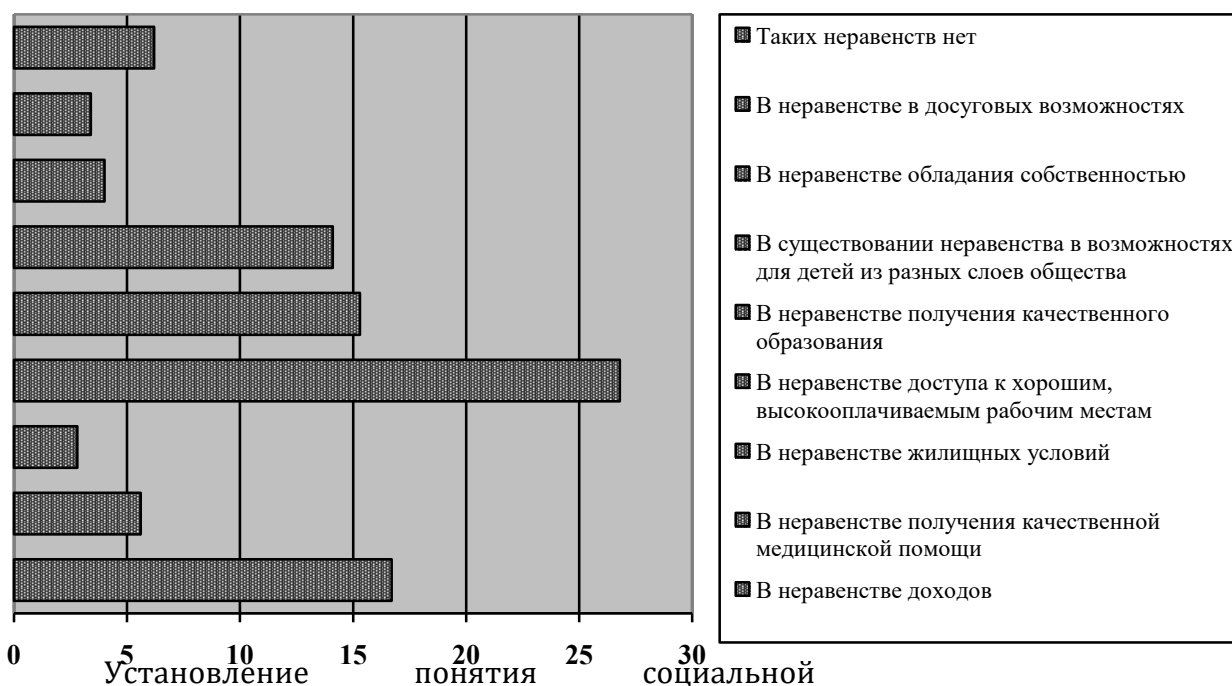
Полученный эмпирический материал показывает, что подавляющая часть опрошенного кыргызского населения справедливым считает «общество, в котором

соблюдаются законы». По социально-демографическому срезу меньше отметивших данную позицию в подмассиве со средним, средним специальным образованием и в возрастном интервале 15–35 лет – 59,5%, 51,1% 61,8%, соответственно. На втором ранговом месте располагается суждение «общество, в котором созданы равные возможности для всех людей» (больше половины опрошенных). С возрастом и уровнем образования респондентов увеличивается доля придерживающихся данной точки зрения с 59,3% в интервале 15–35 лет до 64,1% старше 60 лет, с 52,1% имеющих среднее специальное образование до 63,0% с высшим образованием. Обращает на себя внимание, что доля мужчин, в сравнении, с женщинами меньше – 54,3% и 61,9%, соответственно. Здесь хочется отметить, что в мире активно обсуждается вопрос гендерного неравенства в оплате труда, и акцентирование женщинами необходимости на обеспечение равных условий заслуживает внимания. Индикатором справедливого общества, по мнению одной второй части опрошенных по всему массиву, является существование в государстве справедливого суда. По социально-демографическим признакам ответы распределились следующим образом: 46,9% мужчин, женщин чуть больше и составляет 50,9%; с возрастом и уровнем образовательного статуса наблюдается снижение отметивших важность принципа справедливости в суде с 53,9% в интервале 15–35 лет до 48,7% старше 60 лет, с 54,4% имеющих среднее образование до 50,2% с высшим образованием. Равенство в оплате труда признаком справедливого социума считает одна треть опрошенных по всему массиву; процентный параметр повышается с уровнем образования респондентов с 31,9% со средним специальным образованием до 41,4% с высшим образованием. Часто встречается низкий уровень оплаты квалифицированного слоя, в сравнении, с имеющими низкий уровень образования, поэтому важным является учет образовательного статуса и профессиональной подготовки специалиста. Соблюдение прав человека и удовлетворение его потребностей в получении гарантированных законом услуг есть индикатор измерения соответствия конкретно взятого общества требованиям социального равноправия. На важность обеспечения бесплатного образования указывает каждый третий опрошенный по всему массиву; доля мужчин больше (42,0%) против 37,0% женщин; наблюдается рост доли отметивших важность бесплатного образования с 36,3% в разрезе 15–35 лет до 43,6% старше 60 лет. Наряду с бесплатным образованием, еще одним маркером социально справедливого общества выступает возможность получения бесплатно услуг здравоохранения, отмеченный каждым третьим опрошенным по всему массиву, среди них одна треть респондентов в возрасте 60 лет включительно и 43,6% старше 60 лет. Далее, каждый четвертый опрошенных по всему массиву, среди них одна треть в подмассивах имеющих среднее специальное образование, такая же часть женщин и в разрезе 15–35 лет признаком социально справедливого государства считает «поддержку государством выходцев из бедных семей». Еще одной чертой социально справедливого социума, по мнению 25,1% кыргызстанцев, является «поддержка государством предпринимательства». Далее, о важности соблюдения пропорции в оплате труда заявляют 19,8% респондентов; среди них 25,9% мужчин, а женщин заметно меньше (17,9%). Обращает на себя внимание увеличение процента подчеркивающих соблюдение справедливости в оплате труда с возрастом с 12,3% в разрезе 15–35 лет до 31,3% в когорте 36–60 лет, то есть наиболее трудоспособный слой, впрочем, как и по уровню

образования: 15,2% имеющих среднее, 10,6% среднее специальное и 23,3% высшее образование. К сожалению, имеется дисбаланс в налогообложении, складывается ситуация, когда очень богатый и очень бедный слои населения в бюджет государства выплачивают одинаковые по размеру налоги. На необходимость соблюдения принципа справедливого налогообложения указывает одна седьмая часть по всему массиву; среди них выделяются возрастные подгруппы 15–35 лет (21,4%) и 36–60 лет (25,6%). Вместе с тем, в общественном сознании опрошенных кыргызстанцев имеет место ориентированность на «уровнировку», когда социальной справедливостью считают разделение доходов поровну. Насколько оправдан такой подход, и готово ли смириться общество с таким пониманием справедливости – вопрос спорный. По мнению авторов, каждый трудоспособный человек должен иметь достойную оплату труда и доход в соответствии с его уровнем квалификации и профессионализма, в противном случае, такое общество, в котором идет «равное деление», не может считаться социально справедливым. В этой связи вполне справедливой является позиция одной седьмой части респондентов, считающей справедливым общество, в котором «энергичные, предприимчивые люди живут лучше».

Рассмотрение образа социально справедливого общества требует анализа противоположного явления – несправедливости (см. гист. № 1).

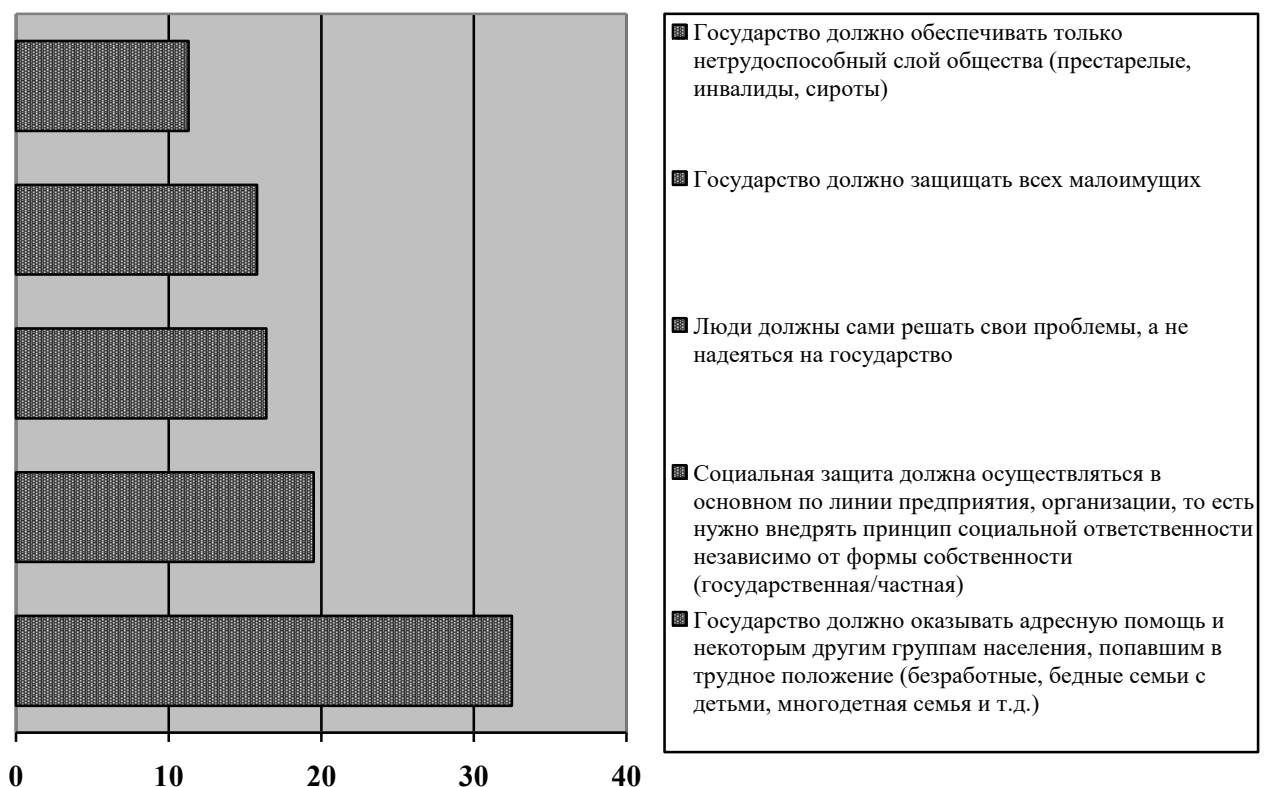
Гистограмма 2 Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, в чем выражается больше всего несправедливость?» (%)

справедливости, а также признаков социально справедливого общества, естественно, предполагает выявление содержания социальной несправедливости. По мнению одной четвертой части опрошенного кыргызского населения несправедливость заключается в существовании «неравенства доступа к хорошим, высокооплачиваемым рабочим местам». Социально-демографический срез констатирует, что неравноправие в трудовой сфере беспокоит 26,5% опрошенных в возрастном интервале 15–35 лет, 26,8% в подмассиве 36–60 лет и 28,2% старше 60 лет, 25,3% имеющих среднее, 31,9%

среднее специальное и 26,4% высшее образование. Далее, 16,7% респондентов несправедливостью считают существование неравенства в доходах, и доля отметивших данное суждение повышается с возрастом и уровнем образования опрошенного кыргызского населения с 13,2% в подгруппе 15–35 лет до 20,5% старше 60 лет, с 12,8% имеющих среднее специальное образование до 17,2% с высшим образованием. Несправедливостью одна седьмая часть опрошенных по всему массиву считает неравенство в получении качественного образования, среди них 19,1% в возрасте 15–35 лет, 10,7% 36–60 лет и небольшая доля в подмассиве старше 60 лет (7,7%), по образовательному признаку 16,5% со средним, 17,0% средним специальным и 14,5% высшим образованием. Следующим параметром социальной несправедливости 14,1% опрошенного кыргызского населения считает существование неравенства в возможностях для детей из разных слоев общества. С возрастом доля указывающих на изначальное неравноправие увеличивается с 14,2% в возрасте 15–35 лет до 20,5% старше 60 лет; по образованию, в сопоставлении с другими подгруппами, таковых больше в подмассиве со средним образованием (16,5%), против 10,6% со средним специальным и 14,1% с высшим образованием. Варианты ответов, усматривающих суть несправедливости в неравенстве «жилищных условий», «досуговых возможностях», «обладания собственностью», «получения качественной медицинской помощи» отмечены 2,8%, 3,4%, 4,0%, 5,6%, соответственно. При этом 6,2% по всему массиву придерживаются позиции «таких неравенств нет», и выделяется подмассив мужчин (12,3%), возрастной интервал 36–60 лет (8,0%) и имеющие высшее образование (7,5%).

Гистограмма 2 Распределение ответов на вопрос «Какой должна быть система социальной защиты в кыргызском обществе?» (%)

В рамках изучения социальной справедливости и несправедливости не менее актуальным является политика социальной защиты, а также роль государства как главного актора ее реализации (см. табл. № 2).

Социальная справедливость тесно связана с социальной политикой государства и социальной защитой населения, а ее эффективность определяется удовлетворенностью населения получаемыми благами, уровнем жизни и благосостояния, качеством оказываемых услуг. Эмпирический материал, полученный при ответе на вопрос «Какой должна быть система социальной защиты в кыргызском обществе?», показывает осознание 32,5% респондентами сути социальной защиты населения как обязанности «государства оказывать адресную помощь и некоторым другим группам населения, попавшим в трудное положение (безработные, бедные семьи с детьми, многодетная семья и т.д.)». Явно выраженных внутригрупповых отличий по данной позиции результатами опроса не выявлено (одна треть респондентов во всех подмассивах придерживается этого суждения). Далее, 19,5% опрошенных по всему массиву придерживаются точки зрения о социальной ответственности сектора производства, который имеет достаточно высокий уровень дохода. Если обратиться к советской социальной политике, она так и была выстроена: подшефные социальные учреждения (детские садики, ясли, школы-интернаты, больницы, дома престарелых и т.д.). Придерживающихся данной позиции в 2 раза больше в женской подгруппе; с возрастом растет процентный показатель с 16,2% в когорте 15–35 лет до 28,2% старше 60 лет. Далее, по мнению 16,4% респондентов, «люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство», и придерживающихся данного суждения больше в подгруппе мужчин (24,7 %); с возрастом процентный показатель разделяющих эту точку зрения уменьшается с 17,6% в интервале 15–35 лет до 15,4% старше 60 лет. На необходимость обеспечения защиты малоимущих указывают 15,8% опрошенных. Здесь выделяются возрастные подмассивы: 15–35 лет (16,2%) и 36–60 лет (17,9%). Очень спорное суждение отмечено 11,3% опрошенного кыргызского населения – «государство должно обеспечивать только нетрудоспособный слой общества (престарелые, инвалиды, сироты)». Анализ по социально-демографическим параметрам показывает преобладание таковых среди женщин (12,8%), в то время как мужчин в 2 раза меньше (6,2%); по возрасту - 11,8% в подгруппе 15–35 лет, 12,8% старше 60 лет, и заметно меньшая часть фиксируется в когорте 36–60 лет.

Заключение

Проблема социальной справедливости и несправедливости, вопросы равенства и неравенства в самых различных социальных сферах, социального лифта, расслоения общества, неравных возможностей разных социальных слоев будут актуальными и злободневными для любого социума. Аналитический материал констатирует восприятие справедливости в обществе через призму строгого соблюдения законодательства, обеспечении равных шансов для всех социальных групп общества, справедливого суда. Опрошенное кыргызское население акцентирует внимание на необходимости предоставления качественных услуг медицины и образования. Последнее является важным для прохождения социального лифта. Не менее важным индикатором справедливости выступает достойная оплата труда, позволяющая человеку, с одной

стороны, приносить пользу обществу, а, с другой, выступающая фактором личностной самореализации и потенциалом для карьерного роста. Несмотря на выражение определенной надежды на социальную справедливость и равенство в кыргызском социуме, респонденты указывают на существование социального неравенства, проявляющегося в сфере трудоустройства, в получении доходов, в неравных стартовых возможностях детей из состоятельного и бедного слоев населения. Данное обстоятельство негативно отражается на социальном самочувствии человека, формируя в его общественном сознании установку на невозможность стать успешным. Опрошенное кыргызское население преодоление социального неравенства связывает с государством, усматривая в его социальной политике механизм обеспечения не только справедливости и равенства, но и осуществление соответствующей потребностям населения социальной политики и его социальной защиты.

Литература

Августин, А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского / А. Августин / – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 528 с.

Аквинский, Ф. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–43 / Ф. Аквинский / – Киев-М., 2002. Сумма Теологии / Фома Аквинский / Пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. Ч. 1, вопросы 1–43. – Киев: Эльга; М.: Ника-Центр, 2002. – 559 с.

Аристотель Большая этика / Аристотель / Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. – 830 с.

Гаврилова, И. Н. Западные трактовки социальной справедливости (обзор концепций) / И. Н. Гаврилова // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 36–44.

Канарш, Г. Ю. Социальная справедливость: современная история идеи / Г. Ю. Канарш // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 1. – С. 48–73. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.1.3>

Кант, И. Соч. в 6 т. Т. 3. / И. Кант / М.: Мысль, 1964. – 798 с.

Ильин, И. А. Поющее сердце. Оглавление о справедливости / И. А. Ильин / М.: АСТ, 2015. – 416 с.

Мареева, С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян / С. В. Мареева // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – 2015. – Том 7. – № 2. С. 109–119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>.

Монтень, М. Опыты. В 3 кн. – М.: Наука, 1979. – 535 с.

Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье / М.: Мысль, 1999. – 672 с.

Никовская, Л. И. Справедливость как стимул перехода к социально-ориентированной модели развития в России / Л. И. Никовская // Социальная справедливость в современном мире: сборник статей. – М.: Ключ-С, 2017. – С. 206–222.

Платон Государство. Законы. Политика / Платон / М.: Мысль, 1998. – 798 с.

Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз / Науч. ред. В.В. Целищев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 534 с.

Руссо, Ж-Ж. Трактаты / Ж-Ж. Руссо / М.: Наука, 1969. – 703 с.

Смирнова, А. И. Социальная справедливость / А. И. Смирнова // Вестник Национального института бизнеса. – 2017. – № 28. – С. 327–330.

Черныш, М.Ф. Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе / М.Ф. Черныш // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2017. – С. 341–368.

Reference

Augustine A. Confessions of Blessed Augustine, Bishop of Hippo. *M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya = Moscow: Sretensky Monastery Publishing House*, 2012; 528 p.

Aquinsky F. The Sum of theology. Part I. Questions 1-43. Kiev-M., 2002. The Sum of Theology / Thomas Aquinas / Translated from Latin by S. I. Eremeeva, A. A. Yudina. Part 1, questions 1-43. *Kiev: Elga; M.: Nika-Center = Kiev: Elga; Moscow: Nika-Center*, 2002; 559 p.

Aristotle The Great Ethics. Soch. in 4 vols. Vol. 4. *M.: Mysl = M.: Thought*, 1984; 830 p.

Gavrilova I. N. Western interpretations of social justice (overview of concepts). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2009; 3: 36–44.

Kanarsh G. Yu. Social justice: a modern history of the idea. *Gorizonty` gumanitarnogo znaniya = Horizons of humanitarian knowledge*. 2019; 1: 48–73.

Kant I. Soch. in 6 vols. Vol. 3. *M.: Mysl = M.: Thought*, 1964; 798+ p.

Il'in I. A. The singing heart. Table of Contents on justice. *M.: AST = M.: AST*, 2015; 416 p.

Mareeva S. V. Justice and inequality in the public consciousness of Russians. *Zhurnal institucional'ny`x issledovaniy = Journal of Institutional Research*. 2015; 7; 2: 109–119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>

Montaigne M. Experiments. In 3 books. *M.: Nauka = M.: Science*, 1979; 535 p.

Montesquieu S. L. On the spirit of laws. *M.: Mysl = M.: Thought*, 1999; 672 p.

Nikovskaya L. I. Justice as an incentive for the transition to a socially oriented development model in Russia. Social justice in the modern world: a collection of articles. *M.: Klyuch = M.: Klyuch*, 2017: 206–222.

Platon State. Laws. Politics. *M.: Mysl = M.: Thought*, 1998; 798 p.

Rolz Dzh. The theory of justice. Scientific ed. by V.V. Tselishchev. *Novosibirsk: Novosibirskoye izdatel'stvo. universitet = Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk. University*, 1995; 534 p.

Rousseau J.J. Treatises. *M.: Nauka = M.: Science*, 1969; 703 p.

Smirnova A. I. Social justice. *Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa = Bulletin of the National Institute of Business*. 2017; 28: 327–330.

Chernysh M.F. Student youth and the problem of justice in modern Russian society. Reforming Russia: Yearbook / Ed. by M. K. Gorshkov. *M.: Novy Chronograf = M.: New Chronograph*, 2017; 15: 341–368.

Дата получения рукописи: 12.01.2026

Дата окончания рецензирования: 28.02.2026

Дата принятия к публикации: 01.03.2026

Информация об авторах

Урузбакиева Фатима Капиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Научно-исследовательский университет «Кыргызский экономический университет им. Мусы Рыскулбекова», г. Бишкек, Кыргызстан; e-mail: ufk555@list.ru

Урузбакиева Зухра Капиевна – кандидат философских наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан; e-mail: uzk545@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Uruzbakieva Fatima Kapievna – Candidate of Sciences in Philosophy, associate professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Kyrgyz Economic University named by M. Ryskulbekov. e-mail: ufk555@list.ru Kyrgyz Republic

Uruzbakieva Zukhra Kapievna – Candidate of Sciences in Philosophy, associate professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named by B.N, Yeltsin, e-mail uzk545@list.ru Kyrgyz Republic

The authors declare that there is no conflict of interests